

Николай Иванович Костомаров

Мазепа

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Иванович Костомаров**
Мазепа / Николай Иванович Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2012. –
298 с.

ISBN 978-5-4241-1951-4

ISBN 978-5-4241-1951-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Костомаров
МАЗЕПА

Б. Г. Литвак

«Гетман-злодей»

Имя Ивана Степановича Мазепы известно современному читателю скорее всего как одно из действующих лиц поэмы А. С. Пушкина «Полтава», откуда мы заимствовали чеканную пушкинскую характеристику и вынесли ее в заголовок этого предисловия. Реальная историческая личность, так или иначе связанная с историей петровского времени, Мазепа представляет интерес не только в контексте Северной войны Петра Великого и Карла XII. Эта фигура появилась на горизонте истории украинского народа во время, когда эйфория воссоединения с Россией выветрилась под грубым напором царского кулака, когда взамен польского крепостного ига украинские крестьяне подвергались закрепощению своей же «единокровной» старшиной под эгидой и при усиленной поддержке господствующего класса Российского государства.

Со времени исторической Переяславской рады 1654 г., принявшей решение о воссоединении Украины с Россией, и до 1663 г. все вопросы, касавшиеся Левобережной Украины, решались в канцелярии по малороссийским делам Посольского приказа, т. е. внешнеполитического ведомства царского правительства. В 1663 г. был учрежден Приказ Малыя России, который более известен как Малороссийский приказ. Он был непосредственно подчинен царю и должен был усилить контроль за деятельностью гетманского управления Украиной. Взаимоотношения России и Украины во времена гетманства Мазепы регулировались так называемыми «Коломацкими статьями», принятыми в 1687 г. Эти статьи подтверждали наделение Левобережной Украины «правами и вольностями их прежними», но фиксировали наличие в Киеве, Чернигове, Переяславе, Нежине и Остере русских воевод и ратных людей «для обороны от неприятелей и чтоб впредь в малороссийских городах замешания и измены ни от кого никакия не было»¹. Статьи определяли порядок избрания гетмана и генеральной старшины, управлявших Украиной, статус «его царского пресветлого величества войска Запорожского». Без царского указа ни выборы гетмана, ни его устранение не разрешались. То же касалось генеральной старшины, гетманова войска и полковников, в том числе из русских офицеров, высших церковных иерархов.

К моменту избрания гетманом Мазепы Левобережная Украина имела следующее административно-территориальное деление и внутреннее управление. Она была разделена на десять полков: Гадячский, Киевский, Лубенский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилукский, Стародубский, Черниговский. Эти административно-территориальные образования, в свою очередь, делились на сотни (примерно до 20 в каждом полку), сотни делились на курени, а последние объединяли несколько селений.

Управление Украиной осуществлялось гетманом, избрание которого подтверждалось царской грамотой. В его руках была сосредоточена не только административная и военная власть, но и высшая судебная: без его санкции смертная казнь не совершалась. При гетмане действовала генеральная старшина в составе генерального обозного, в ведении которого была вся артиллерия, генерального судьи, ведавшего генеральным судом, генерального подскарбия, ведавшего финансовыми делами, генерального писаря, ведавшего канцелярией, двух генеральных есаулов-инспекторов войска и адъютантов гетмана; примерно теми же

функциями были наделены генеральный хорунжий и генеральный бунчуковый. Генеральная старшина составляла и внешний слой класса феодалов, — так, Мазепа владел 100 тыс. крестьян на Украине и 20 тыс. в соседних с ней уездах России. Генеральный писарь, а затем генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей, как пишет А. С. Пушкин, был «богат и славен... Его луга необозримы;

Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду, и под замками».

Не отставали от генерального писаря и другие представители старшины. Полковое управление копировало на уровне полка высшее управление. Во главе военно-административной и судебной власти стоял полковник, при нем — полковая старшина: обозный, писарь, есаул, судья, хорунжий. Официально все должны были быть выборными и утверждались гетманом специальным универсалом. Полковнику вручались символы власти: полковничий пернач, знамя и печать. Как свидетельствовал Кочубей, Мазепа «за полковничьи уряды великие берет взятки»². Сотенное управление состояло из сотника и сотенной старшины. Должности также были выборными. Выборы сотника подтверждались универсалом гетмана, после чего ему вручалась «корогва» (сотенное знамя). В состав старшины входили хорунжий, писарь, есаул. За исполнение своих обязанностей они получали денежную оплату в год от 25 до 50 золотых. Это отличало их от полковой и генеральной старшины, которая наделялась землей и крестьянами, не считая различных «подарков». На самой низшей ступени администрации стоял куренной атаман, которому подчинялись казаки куреня. Крестьяне и мещане куреней были подчинены войту. Эта стройная иерархия управления дополнялась отдельными волостями (подданными церкви) или староствами (гетманскими автономными владениями) — ими управляли старосты, которых назначал гетман. Таким был политико-административный строй Левобережной Украины во времена Мазепы.

Украинский народ стремился к объединению всех своих земель, но вместе с тем восставал против социального неравенства. Ловкий авантюрист и тонкий политик, Мазепа гетманствовал более 20 лет, что само по себе уже стало выдающимся событием в динамичной истории Украины того времени. Однако он вошел в историю Украины, в сознание ее свободолюбивого народа как «проклята Мазепа» — не как личность, а как символ зла. Если современники и ближайшие потомки в своих народных песнях и сказаниях иначе его и не называли, то в наши дни все громче раздаются иные оценки. В поисках истины всякий интересующийся жизнью и деятельностью И. С. Мазепы должен обратиться к историческим исследованиям о нем. На этом пути он в первую очередь встретится с исследованием Н. И. Костомарова, выдающегося историка, заслуги которого перед мировой наукой и культурой столь велики, что решением ЮНЕСКО год его столетия отмечался во всем мире.

Николай Иванович Костомаров родился в 1817 г. в помещицкой семье в селе Юрасовка Острогожского уезда Воронежской губернии. С 1833 г. учился в

Харьковском университете на историко-филологическом факультете, в 1844 г. получил звание магистра. Уже в 1839 г. он издал два сборника украинских песен — «Украинские баллады» и «Ветка». Так началось его становление как литератора и этнографа, великолепного знатока украинской поэзии.

По окончании университета он учителем в ровенской, а затем в киевской первой гимназии, а в июне 1846 г. его избирают адъюнктом русской истории Киевского университета св. Владимира. Как впоследствии вспоминал Костомаров, процедура избрания его советом университета состояла в том, что он должен был прочесть на совете лекцию на заданную тему. В данном случае она сводилась к вопросу, «с какого времени следует начинать русскую историю». Лекция «произвела самое хорошее впечатление. По удалении моем из зала совета, — писал Костомаров, — произведена была баллотировка, а через час ректор университета, профессор астрономии Федотов, прислал мне записку, в которой известил, что я принят единогласно и не оказалось ни одного голоса, противного моему избранию. То был один из самых светлых и памятных дней моей жизни. Университетская кафедра давно уже для меня была желанною целью, которой достижения, однако, я не надеялся так скоро».

Так началась его научно-педагогическая деятельность на поприще истории России и Украины. И хотя Костомаров в цитированных выше воспоминаниях и писал, что он с этого момента «начал жить в совершенном уединении, погрузившись в занятия историею»³, он не стал кабинетным ученым, своего рода Пименом, равнодушным к «добру и злу». Он не оставался глухим к зову реалий современной ему жизни, впитывая и разделяя освободительные идеи передовых людей России и Украины, широко распространявшиеся в начале 40-х годов прошлого столетия. Знакомство с первым выпуском «Кобзаря» Шевченко (1840 г.), с его поэмой «Гайдамаки» (1841 г.) и бессмертным «Заповітом» (1845 г.) оказало стимулирующее воздействие на Костомарова и его друзей, организовавших «Славянское товарищество св. Кирилла и Мефодия» (так оно названо в уставе, но известно под названием «Кирилло-Мефодиевского общества»). В 1990 г. вышло трехтомное собрание документов, отражающих историю этой организации⁴ и дающих возможность впервые досконально изучить это яркое историческое явление и роль Костомарова в нем. Среди так называемых вещественных доказательств в «деле Костомарова» находим его рукопись (автограф) на украинском языке под названием «Книга буття українського народу» («Книга бытия украинского народа»), где в форме библейского сказания формулируются важнейшие мировоззренческие позиции автора.

В стихе 10 автор пишет: «И Соломона, мудрейшего из всех людей, попустил Господь в великое безумие, а потому он это сделал, чтобы показать, что хоть какой будет умный, а как станет самодержавно править, то одуреет»⁵. Затем, живописуя уже евангельские времена, автор констатирует, что цари и паны, приняв учение Христа, извратили его («попереверчували») ⁶. Это злодейское деяние Костомаров конкретизирует примером истории Руси, показывая, как свободно жили русичи без царя, а когда он воцарился, «кланяясь и целуя ноги хану татарскому басурману, вместе с басурманами закрепостил народ москалей» (стих 72). А когда «царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч народу за один день, летописцы, рассказывая это, называли его христоробивым» (стих 73). На Украине же «не сотворили ни царя, ни пана, а сотворили

братство-козачество, к которому каждый мог примкнуть, будь он пан или невольник, но обязательно христианин. Там все были равны, и старшины избирались и обязаны были служить всем и на всех работать. И никакой помпы, никакого титула не было между козаками» (стих 75—76). Однако польские «паны и иезуиты хотели насильно повернуть Украину под свою власть... тогда на Украине появились братства, такие, как были у первых христиан», но Украина все же попала в неволю к Польше, и только восстание народа освободило Украину от польского ярма, и она пристала к Московии, как к славянской стране. «Однако скоро увидела Украина, что попалась в неволю, она, по своей простоте, еще не знала, что такое царь, а царь московский это все равно, что идол и мучитель» (стихи 82—89). Тогда Украина «отбилась от Московии и не знала, бедная, куда ей повернуть голову» (стих 90). В результате она была разделена между Польшей и Русью, а это «есть самое негодное дело, что когда-либо случилось в мире» (стих 93). Затем автор сообщает о том, что царь Петр «положил сотни тысяч Козаков в канавы и на их костях построил себе столицу», а «царица Екатерина-немка, курва всесветная, явная безбожница, — доканала козачество, так как отобрала тех, которые были старшиной на Украине, и наделила их вольными братьями, и стали одни панами, а другие — невольниками» (стихи 95—96). «И так пропала Украина, но это только кажется» — заключает автор (стих 97) и намечает выход: — Украина «скоро проснется и крикнет на всю широкую Славянщину, и услышат ее крик, и встанет Украина и будет независимой Речью Посполитою (т. е. республикой. — Б. Л.) в славянском союзе»⁷ (стихи 108—109).

Если к этому добавить и стихотворение, тоже на украинском языке, которое было изъято во время обыска на квартире Костомарова и ошибочно приписано жандармами Т. Г. Шевченко, но на самом деле написанное Костомаровым, то можно определить мировоззренческие и историко-философские позиции 30-летнего историка. Много, конечно, для нас неприемлемо (например, тезис о том, что Екатерина II создала феодальный строй на Украине), однако анализ стихов позволяет определить идеологию Кирилло-Мефодиевского общества как национально-освободительную и демократическую; в формировании ее Костомаров, очевидно, принимал деятельное участие. Отметим, что Костомаров не был, пользуясь современным ходким термином, ни русофобом, ни полонофобом, ни украинским националистом. Он был человеком, глубоко верящим в необходимость братского единения всех славянских народов на демократических началах.

Горе тим, котрі говорять:

Наша власть од Бога,

А без страху над собою

Не знають нікого.

Горе вченим, котрі злее

Добрим нарікали,

Тим, що істину святую

Од простих ховали!

...Любіться, діти слави, Любов нас спасе!

Слава-честь тобі вовіки,

Орле наш двоглавий!

Бо ти шпонами своїми

Вирвеш із неволі,

Из поруги давній на світ
Слов'янськую долю!⁸

Эти стихи свидетельствуют о надежде автора на освободительную миссию России, чей образ идентифицирован с символом «орле наш двоголавий».

Естественно, что на допросах Костомаров отрицал наличие общества и свою принадлежность к нему, объяснял, что золотое кольцо с надписями «Кирие элейсон» («Господи помилуй». — Б. Л.) и «Св. Кирилл и Мефодий» вовсе не знак принадлежности к обществу, а обычное кольцо, которое носят на пальце христиане в память о святых, ссылаясь при этом на широко распространенное кольцо с надписью в память святой Варвары. Но все эти объяснения не были приняты следователями и, как видно из определения III отделения собственной его императорского величества канцелярии от 30—31 мая 1847 г., утвержденного царем, он был признан виновным (тем более «что он был старше всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления») и приговорен к заключению «в Алексеевский рavelин на один год» с последующей отправкой «на службу в Вятку, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора; изданные же им под псевдонимом Иеремии Галки сочинения „Украинские баллады“ и „Ветка“ воспретить и изъять из продажи»⁹.

Николай I разрешил свидания Костомарова с матерью только в присутствии коменданта крепости, а когда мать начала буквально бомбардировать III отделение прошениями о досрочном освобождении сына и отправке его в Крым на лечение в связи с его болезнью, ни одно прошение не было удовлетворено, на них всегда появлялась краткая, как выстрел, резолюция «нет», начертанная рукой управляющего отделением Л. В. Дубельта.

Когда же Костомаров отсидел год в крепости, то и тогда он вместо испрашиваемой матерью замены ссылки в г. Вятку ссылкой в г. Симферополь был по распоряжению Николая I отправлен в г. Саратов с выдачей ему 300 руб. серебром единовременного пособия. Правда, вовсе не из чувства сострадания, а только потому, что, как докладывал всесильный шеф жандармов и начальник III отделения генерал-адъютант Орлов, надломленный Костомаров «поставил себе первым долгом письменно изъяснить живейшую верноподданическую признательность Вашему Императорскому Величеству за то, что Ваше Величество, вместо строгого наказания, по чувствам благодати своей, даровали ему еще возможность загладить усердною службою прежнее его заблуждение»¹⁰. Эта отправка в Саратов не означала еще полного освобождения, так как Костомарова сопровождал жандарм, поручик Альпен, который должен был следить за тем, чтобы его поднадзорный не входил «с посторонними лицами в излишние разговоры». Поручик, так сказать, «сдал» Костомарова саратовскому гражданскому губернатору М. Л. Кожевникову. Правда, Орлов приписал на официальном отношении к Кожевникову: «Прошу быть к нему милостиву, человек с достоинствами, но заблуждался и искренне раскаивается»¹¹, что, впрочем, не помешало ему обратиться к министру внутренних дел Л. А. Перовскому с предложением об установлении над Костомаровым «строжайшего надзора»¹². Аналогичное распоряжение он отправил начальнику 7-го округа корпуса жандармов Н. А. Ахвердову, чтобы тот установил в подведомственном ему Саратове секретное наблюдение за Костомаровым и докладывал через каждые полгода о его поведении¹³.

Саратовская ссылка — важный этап в идейном развитии Костомарова, здесь он сблизился с Н. Г. Чернышевским и историком Д. Л. Мордовцевым, только начавшим в эти годы разрабатывать историю народных движений и самозванства. Работая в губернском правлении, Костомаров имел возможность ознакомиться с секретными делами, среди которых имелись дела и по истории раскола. В Саратове он написал ряд трудов, которые при их публикации уже после ссылки и в условиях общественного подъема 50—60-х годов XIX в. стали широко известны, выдвинув их автора в первый ряд среди тогдашних историков. Особое место в этих исследованиях занимают труды по украинской истории.

В эти же годы Костомаров добивается, говоря современным языком, реабилитации. 31 мая 1855 г. он обращается к недавно вступившему на престол Александру II с прошением, в котором пишет: «В настоящее время, когда Ваше Императорское Величество изволили ознаменовать Ваше вступление на престол делом безмерного милосердия, проливающего луч утешения самым тяжелым преступникам, я дерзаю молить державную благодать Вашу, государь, о милосердии ко мне. Если бы надзор надо мной ограничивался единственно наблюдением над моими политическими убеждениями, то я бы и не осмелился желать освобождения от него, ибо я других убеждений не имею, кроме тех, какие предписывает мне закон и любовь к своему монарху. Но надзор полиции, соединенный с необходимостью находиться исключительно в одном месте, стесняет меня в моей служебной и домашней жизни и лишает меня средств к поправлению болезни зрения, которою я страдаю уже несколько лет. Государь-отец! Удостойте оком сострадания одного из заблуждавшихся, но истинно раскаявшихся детей великого Вашего семейства русского, соизвольте предоставить мне право служить Вам, государь, и житье существовать невозбранно во всех местах Российской империи Вашего Императорского Величества»¹⁴

Коллегия прошений переслала прошение Костомарова в III отделение. 27 июня 1855 г. А. Ф. Орлов в своем письменном докладе поддерживает просьбу Костомарова, попутно сообщая, что «из лиц, прикосновенных к тому же обществу, коллежский регистратор Гулак, который был главною причиною составления общества, а также чиновники Белозерский и Кулиш, не менее Костомарова виновные, уже получили всемилостивейшее прощение»¹⁵. На этом документе Александр II карандашом наложил резолюцию «согласен». Но это сравнительно быстрое удовлетворение просьбы Костомарова все же еще не означало предоставления полной свободы деятельности, так как А. Ф. Орлов, сообщая министру внутренних дел Д. Г. Бибикову о решении царя, предупредил, что Костомарову не разрешается служить «по ученой части». Итак, освобожденный от надзора Костомаров в декабре 1855 г. выехал в Петербург. В это же время он предложил редактору «Отечественных записок» свою работу «Век царя Алексея Михайловича», но цензор журнала потребовал справку о снятии запрещений на сочинения Костомарова, наложенных еще в 1847 г. Костомаров в январе 1856 г. обратился с просьбой о разрешении публикации этой статьи в III отделение и получил разрешение на публикацию с резолюцией Л. В. Дубельта: «Только строго цензуровать»¹⁶.

Из крупных работ Костомаров публикует в 1856 г. в «Отечественных записках» свою работу «Борьба украинских Козаков с Польшею в первой половине XVII века до Богдана Хмельницкого», а в 1857-м — «Богдан Хмельницкий и

возвращение Южной Руси к России». Эти исследования знакомили широкий круг русской читающей публики с яркими страницами истории братского народа, утверждали неразрывность исторических судеб двух славянских народов. Они явились также заявкой на дальнейшее развитие украинской тематики.

Но и в области русской истории Костомаров продолжал заниматься ранее не исследованными проблемами. Так, в 1857—1858 гг. «Современник» печатает его работу «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях», а в 1858-м появляется на страницах «Отечественных записок» его знаменитый «Бунт Стеньки Разина» — произведение остроактуальное в условиях назревавшей первой революционной ситуации в России.

Но оставалась еще одна преграда его научно-педагогической деятельности. 27 сентября 1857 г. Костомаров пишет новому начальнику III отделения В. А. Долгорукову: «Не сознавая в себе ни охоты, ни способностей к гражданской службе и притом занимаясь с давнего времени отечественной историей и древностями, я желал бы вступить снова в ученую службу по ведомству Министерства народного просвещения... Если милость государя императора, освободившая меня от надзора, не отменяет прежнего высочайшего повеления в бозе почившего государя императора о недопущении меня к ученой службе, благоволите, ваше сиятельство, повергнуть к стопам всемилостивейшего государя императора мою всеподданническую просьбу о даровании мне права вступить в ученую службу по ведомству Министерства народного просвещения»¹⁷. Князь Василий Андреевич уже 8 октября распорядился переговорить по этому поводу с министром народного просвещения, последний же счел «неудобным допущение Костомарова служить по ученой части, разве только библиотекарем»¹⁸.

Между тем совет Казанского университета в 1858 г. избрал Костомарова профессором; как следовало ожидать. Министерство народного просвещения не утвердило это избрание. Однако в 1859 г. попечитель Петербургского учебного округа ходатайствовал о назначении Костомарова исправляющим должность ординарного профессора российской истории Петербургского университета, о чем свидетельствует отношение товарища министра народного просвещения В. А. Долгорукову. Последний сообщил, что для этого требуется высочайшее разрешение, которое, очевидно, было получено, так как в справке III отделения от 24 ноября 1859 г. читаем: «Костомаров известен своею ученостию по части истории, и первая лекция, прочитанная им на днях в здешнем университете, заслужила общее одобрение слушателей, в числе которых было много посторонних лиц»¹⁹.

Итак, попытка совета Петербургского университета избрать Костомарова экстраординарным профессором по кафедре русской истории увенчалась успехом. Костомаров «завоевывает» столицу благодаря нашумевшей дискуссии с известным историком М. П. Погодиным о крепостничестве в России, а годом позже — в связи с его аргументированным выступлением против так называемой норманнской теории происхождения Руси, разделяемой Погодиным.

В конце 50-х годов прошлого века в связи с подготовкой отмены крепостного права приобрел особое актуальное звучание вопрос о его происхождении. М. Н. Погодин, придерживающийся взгляда «безуказного закрепощения» (т. е. концепции естественного, природного характера постепенной эволюции свободного крестьянства в зависимое положение, которая позволяла противникам реформы

утверждать, что государство не должно законодательно лишать помещиков этого права), в 1858 г. в «Русской беседе» опубликовал статью «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?», в которой пытался доказать, что «личное крепостное право не возникло юридически, а образовалось само собою, вытекая из обстоятельств народной жизни...»²⁰ Костомаров в ответной статье под тем же заглавием последовательно провел источниковедческий анализ не только указов Бориса Годунова, но и указа от 21 ноября 1597 г. (как и не сохранившегося указа 1592 г.), и пришел к выводу, что «мысль о том, будто Борис не прекращал юрьевского перехода (т. е. права перехода от одного помещика к другому за неделю до Юрьева дня и неделю после него. — Б. Л.) и что это право существовало после него и в XVII веке, — не принимает характера исторической истины после доказательств г. Погодина...»²¹ Отметим при этом, что современная литература признает: хотя указы 1601—1602 гг. Бориса Годунова частично разрешили крестьянские выходы, установлены, по крайней мере, три указа о запрещении выхода (1581 г., 1592—1593 гг., 1603—1604 гг.), причем о первом и последнем узнаем из вновь обнаруженной летописи²², которая не была известна Костомарову. Однако его принципиальная позиция отрицания «безуказного закрепощения» выдержала проверку временем.

Для характеристики степени общественной активности и душевного состояния Костомарова с момента, когда он был освобожден от надзора и ссылки, и до утверждения его профессором Петербургского университета нелишне будет сообщить, что он успел в 1857 г. в течение восьми месяцев посетить Швецию, Германию, Францию, Италию и Австрию, попутно работая в архивах и библиотеках (особо отметим работу в Швеции, давшую материал для монографии о Мазепе), а после возвращения в 1858 г. непосредственно включился в работу по подготовке крестьянской реформы, став делопроизводителем Саратовского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. В 1859 г., когда губернские комитеты фактически прекратили свою деятельность, он переехал в Петербург, заменив ушедшего в отставку профессора Н. Г. Устрялова.

К началу 60-х годов Костомаров прочно утвердился как превосходный лектор и один из ведущих историков. Он опубликовал в «Современнике» в 1860 г. «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», в «Русском слове» — работу «Русские инородцы. Литовское племя и отношения его к русской истории», и, наконец, в 1863 г. вышло отдельной книгой одно из фундаментальнейших исследований Костомарова «Севернорусское народоправство во времена удельно-вечевое уклада. Новгород — Псков — Вятка».

К этому времени Костомаров, оспиванный недовольными студентами, вынужден был покинуть преподавательскую кафедру. Студенты недовольны были, как им казалось, неблаговидным поступком профессора, не присоединившегося к акции протеста против высылки профессора П. В. Павлова. Этот эпизод достаточно подробно описан Костомаровым в его автобиографии. Воспользуемся его рассказом. Когда в 1861 г. в связи со студенческими выступлениями был закрыт Петербургский университет, а в начале 1862 г. много арестованных студентов выпущено из крепости, возникла идея чтения публичных лекций за весьма умеренную плату, чтобы наверстать вызванные закрытием университета потери. Костомаров в начале февраля 1862 г. начал чтение курса русской истории с XV в. По его собственным словам, он не вмешивался в студенческие дела: «Я не